

ЭГОИСТИЧНЫЙ ГЕН ИДЕОЛОГИИ

В.В. Корнев

Санкт-Петербургский государственный университет
телекоммуникаций им. проф. М.А. Бонч-Бруевича

vvkornev@yandex.ru

Статья посвящена проблеме критического анализа господствующей идеологии в условиях постмодернистского ослабления власти языка. Эгоистичный ген идеологии – это, во-первых, элементарная дискурсивная частица-паразит. Во-вторых, это алгоритм идеологической работы, выглядящей как эгоистическое переписывание научной или повседневной картины мира, истории или всей «реальности».

Ключевые слова: идеология, анализ идеологии, критическая теория, симуляция, политика, власть, повседневность, постмодернизм, знание.

DOI: 10.17212/2075-0862-2015-3.2-140-149

Еще полвека назад проблема критического анализа господствующей идеологии приобрела на Западе характер настоящего интеллектуального вызова. Первой характеристикой этого вызова является моральное измерение – в этой редакции проблема может быть сформулирована как ясное осознание принципиальной аморальности власти. После Уотергейта¹

¹ Уотергейт (Watergate scandal) – политический скандал в США 1972–1974 гг., связанный с незаконными действиями действующей администрации Ричарда Никсона во время президентских выборов. Скандал завершился импичментом и новыми выборами, но по оценке Жана Бодрийера «поражение» или «победа» политических конкурентов в этом конфликте – суть идеологические симуляции. Настоящая же проблема обнаруживается в «скандалозависимости» власти, в ее функционировании как одного перманентного суперскандала – в частности различных информационных войн, «разоблачений» и «расследований». Действующая самыми бесцеремонными средствами, власть обращается к «общественной морали» как к убийному моральному козырю и вдобавок как эффективному камуфляжу собственной наглости и цинизма [2, с. 23–25].

и «Моникагейта»,² после бесконечного количества разоблачений на тему глубинной связи структур власти с мафиозными кланами и теневыми организациями, громких коррупционных скандалов, историй с наркотиками, проституцией и порнографией, субподрядов государственных структур на пытки, похищения и убийства, наконец после наглых оправданий ее представителей (в тональности «такова природа любой власти», «коррупция – это необходимый вид социальных отношений», «после нас придут те, кто еще хуже») – словом, после такого морального стриптиза господствующей идеологии само ее существование становится угрозой для нашей совести. Считать такое положение вещей нор-

² «Моникагейт» – политический скандал в США 1998 г., связанный с историей сексуальной связи действующего президента Билла Клинтона и стажера Белого дома Моника Левински. Дело вновь дошло до процедуры импичмента. Палата представителей проголосовала за отставку президента, но в Сенате не хватило полутора десятка голосов.

мальным, сводить его в духе извращенного псевдогегелевского правила («раз это существует – на это тоже есть исторический или философский резон») – значит вступать на путь слепого конформизма, превращаться в пассивного реципиента общества спектакля, совершать моральное самоубийство. Кстати, правильное диалектическое понимание гегелевской максимы «всё действительное – разумно» состоит в том, чтобы преобразовать неразумное настоящее, уничтожить недолжное, привести к разумному значению тупое наличное бытие.

Отсюда самым важным моральным императивом в отношении к господствующей идеологии можно считать принцип Мишеля Фуко (сформулированный им в предисловии к «Анти-Эдипу» Ж. Делёза и Ф. Гваттари) «Не влюбляйтесь во власть!». Чтобы понять этот лозунг, нужно на себе ощутить всю притягательную силу даже самой микроскопической власти (в семье, на службе, в любой социальной роли), почувствовать феромоны властных соблазнов, энергию «старого доброго ультранасилия». Невероятно сложно выработать морально-психологический иммунитет в ситуации, когда любишь идеологию в себе и себя в идеологии. Фашизм это и есть влюбленность во власть, потребность «желать именно то, что господствует над нами и эксплуатирует нас» [5, с. 8].

Во-вторых, проблема имеет характер и когнитивного вызова: адекватное понимание стремительно мутирующей идеологии требует синхронной, а лучше – опережающей перестройки понятийного аппарата, смены познавательных парадигм. Любой ментальный вирус должен быть оперативно выявлен и изучен в самой современной гуманитарной лаборатории. В противном

случае любой «критик» идеологии будет в запале отстреливаться по давно уже неактуальным мишеням, сам будучи при этом инфицирован новейшими политическими микробами и мозговыми паразитами. Лучше всего это демонстрируют свежие идеологические (прежде всего сетевые) битвы, сталкивающие лбами не только заурядных малообразованных рабов капитализма, но и тысячи «экспертов», «профессионалов», кандидатов и докторов наук... Трудность здесь в том, что сама фиксация и описание возникающих в стремительном темпе новых вещей, свойств и отношений подразумевает эквивалентную материалу классификационную таблицу, методику, которую Фредрик Джеймисон называет «когнитивным картографированием» [6, с. 335–349].

Ускоряющаяся динамика явлений в различных типах современных социальных пространств требует корректного считывания и декодирования символических потоков, в идеале – в рамках слаженной работы множества гуманитарных операторов, объясняющих смыслы и функции, генеалогию и перспективу каждого актуального феномена. Ситуация здесь напоминает гонку гаджетов и технологий, фрустрирующую рядового потребителя невозможностью – без помощи специального консультанта – разобраться как в качествах продукта, так и в самой его необходимости. Понятно, что в итоге такой потребитель становится легковерной жертвой менеджера или продавца, объектом манипуляции. Его желание или «потребность» (беру это слово в кавычки, учитывая весь искусственный характер монтируемых рекламой и всей социальной инженерией фабричных желаний) подвергаются очевидной эксплуатации. В противовес этому циничному использованию мышления и воображения втемную,

в качестве приемника внешней закодированной информации, работа настоящего критика идеологии состояла бы в дезавуировании, декодировании символических потоков. Наиболее подходящий пример – «Мифологии» Ролана Барта [1], препарирующие символические свойства простейших вещей современного быта – детских игрушек, моющих средств, кулинарных блюд и т. п. Таким образом, критик идеологии превратился бы в антипродавца и антиконсультанта, последовательно демотивируя нас в отношении услуг и товаров с явной идеологической нагрузкой.

Именно у Ролана Барта хорошо видно, что когнитивное картографирование новых явлений и символическая расшивка приводят нас к выводу о принципиальном наличии идеологического доведка фактически в любом современном продукте. Так же как в детских игрушках, где мы получаем в миниатюре весь каталог буржуазных стереотипов [1, с. 102–104], так и в любой частице современного мира мы всегда находим геном ее главного автора – идеологии капитализма.

Впрочем, на деле мы всегда сталкиваемся с мутацией идеологии, с измененным вирусом, против которого бессилён вчерашний антидот, будь то отдельно взятые Маркс, Бодрийяр или Барт. Гибриднему вирусу, конечно же, должна противостоять гибридная критическая теория, и потому вполне понятна логика таких номинально экзотических концепций, как фрейдомарксизм или экзистенциалистский марксизм. Но пока, пройдя через суровые склоны и споры, гуманитарии хотя бы двух соседних направлений сумеют объединить усилия (объединению способствует именно четкое видение врага – власти безличного и циничного капитала, равно пугающей

и религиозных философов, и активистов профсоюза), господствующая идеология произведет сотни новых синтетических вирусков. В амальгаме этих последних пискков идеологической моды, как в сюжете голливудского блокбастера, мы найдем и некоторый критический пафос, и удобные для канализированного недовольства мишени, и скромное обаяние контркультурного бунта и, конечно же, остроумный автопортрет заказчика-капитала. Остроумный в том плане, что, как и хорошо интеллектуально «прокачанный» человек, капитал всегда найдет возможность слегка посмеяться над собой, попутно продемонстрировав превосходство такой свободы самовыражения.

Вспомним, сколько раз в стандартных голливудских триллерах мы встречали в роли антигероев как отдельных представителей власти (обычно рангом не выше вице-президента государства или корпорации), так и хищные фирмы или монополии. Понятно, что драматургический конфликт здесь сводится к выбору между «хорошим» и «плохим» капиталистом (или между неправильным, социально безответственным и правильным гуманистическим капиталом). Понятно также, что сама возможность иронического дистанцирования и самокритики производит обезоруживающий эффект на большинство идеологических противников. К известному самоопределению буржуазной демократии (приписываемому У. Черчиллю) как «лучшего из худших» политических режимов добавляется еще и психологически беспримысленный аргумент «именно в том, что мы критикуем власть, и проявляется настоящая свобода».

В книге «Чума фантазий» Славой Жижек называет такое ироническое дистанцирование (например, в ритуалах высмеива-

ния начальства или корпоративных устоев (подчиненными) и наличие «критического отношения» условием особенно прочной связи субъекта с кормящей идеологией. Ведь если отождествление человека с функцией, добровольное превращение в винтик губительно для сознания и самочувствия, то возможность снимать социальную маску (под которой есть якобы подлинный и живой субъект) и смеяться над своим зависимым положением сохраняет рассудок, а заодно и социальное статус-кво: «идеологическая идентификация оказывает наибольшее влияние на нас именно когда мы полностью осознаем, что мы не идентичны с ней, что “под маской” скрывается человеческая сущность с богатым внутренним миром: “не все есть идеология, под этой идеологической маской я – тоже живой человек”; это именно та самая форма идеологии, которая наиболее “эффективна на практике”» [8, с. 64].

Так разыгрывается тотальный спектакль политической симуляции: жертвы эксплуатации выступают против любых попыток ограничить привилегии власти, бюрократы борются с коррупцией, чиновники изобличают несправедливость общественного устройства... Всё это уже не удивляет нас в театре идеологических метаморфоз, в логике идеологического стриптиза. Кстати, парадоксальным эффектом обнажения в обычном стриптизе является то, что подлинная нагота становится всё менее достижима: «обнажаясь, женщина одновременно десексуализируется» [1, с. 188]. Таким же точно образом раздевающаяся, то есть с удовольствием критикующая себя, инициирующая скандалы и «разоблачения» идеология лишь усиливает эффект морального превосходства над соперниками по политической сцене – не такими «свободными»

в отношении самоиронии, более «косными», «реакционными», «тоталитарными»...

Но тоталитарной и реакционной следует считать именно эту претензию на статус «лучшей из худших» идеологий (с метафизическим довеском определения любой власти как системы насилия и обмана), звание самой вменяемой и самокритичной системы власти (игнорируя вопрос о том, что дает «свободная» критика власти в атмосфере бесконечной взаимной обструкции), наконец, еще и весёлой проницательной власти, с набором смайлов на все случаи жизни (высмеивая попутно попытки серьезно-анализа, разговора по существу дела).

Тоталитаризм постмодернистской самоиронии разъедает не предмет критики, а сам институт независимой критической экспертизы. В голливудских сюжетах критики власти персонифицированы в образе маргинального персонажа-параноика, автора бредовых фантазий о всемирном заговоре или вторжении инопланетян. Но и здесь не бывает дыма без огня – идеологическое клише скрывает идеологическую трудность, большую мозоль идеологии, проблемное означаемое. В данном случае следует воспользоваться советом Славоя Жижека: «Разоблачение «паранойального» идеологического измерения теорий заговора (предположение о таинственном всемогущем господине и т. д.) должно послужить указанием на то, что создание настоящих «заговоров» не прекращается ни на секунду. Нановысшей идеологией сегодня было бы самодовольное критико-идеологическое разоблачение заговоров как простых фантазий» [7, с. 104].

Фигура маргинального критика-параноика внутри идеологического текста является маркером не отдельной проблемы (власть безнадзорных монополий, суще-

ствование секретных пенитенциарных учреждений, экологический кризис и т. п.), а скорее показателем критичности системы в целом, симптомом критического уровня ее развития (или, прямо сказать, деградации).

Итак, если принцип морального отношения к идеологии – «Не влюбляйтесь во власть!», то принцип интеллектуальной независимости от власти можно сформулировать так: «Не мыслите, как власть!» Иначе говоря, не мыслите любую важную проблему в категориях господствующего дискурса, не принимайте правил интеллектуальной игры (стандарты ее хорошо видны в формате популярных ток-шоу, сводящих представителей власти и «оппонентов» в бестолковых «дискуссиях», где стороны остаются при своем, а любая проблема забалтывается)! «Не мыслить, как власть» означает не просто не занимать предназначенное безвредным противникам власти место на любой из сторон телевизионного барьера, но отвергать саму разметку социального пространства, структуру социальных ролей, господствующие слова-вирусы и понятия-паразиты.

Построение критической теории власти должно начинаться не только с разбора идеологических завалов, т. е. вскрытия механизмов и приемов манипуляции общественным вниманием (как это выглядело, например, в известной книге «Манипуляция сознанием» С.Г. Кара-Мурзы [9]), но с деконструкции грамматики властного дискурса. Иначе любое разоблачение вновь будет выглядеть как выступление на ток-шоу, любая критическая публикация – как элемент пиара и необходимого власти публичного скандала. Ну а то, что сам разоблачитель будет невольно играть роль все того же персонажа-параноика из семейных

триллеров и детективов – этого практически не избежать.

На этом этапе проблему освобождения от власти господствующей идеологии можно понимать как проблему создания какой-то гуманитарной нанотехнологии, выявляющей молекулярные частицы общественного сознания. Идеологические молекулы или целые геномные образования программируют свойства любых речевых конструкций, собранных на их основе. Ген идеологии эгоистичен – он функционирует только для пользы всей идеологической системы, и неважно, в каком именно типе дискурса – научном, философском, повседневном, религиозном и т. п. – устроилась такая элементарная частица. Слова-паразиты с фиксированными идеологическими коннотациями (например, предельно клишированные слова «свобода», «прогресс», «индивидуальность», «тоталитаризм», «террор» и т. д.) переписывают смысл всей фразы. Ведь дело даже не в том, что найдется мало желающих публично выступить за ограничение «свобод» граждан. Истинная проблема в том, что немногие политические оригиналы, выступая против господствующей идеологии, мыслят любые операции с «гражданской свободой» именно в категориях властного дискурса – поэтому выступление «против» равнозначно выступлению «за». Снова воспроизводится ситуация тупиковой дискуссии на ток-шоу, где содержание батални определяется одним только местом, разметкой «полемического пространства», незыблемыми правилами игры (не меняющими сущность этой безвредной толерантной имитации альтернативной позиции).

Эгоистичность идеологического гена можно понимать еще и в другом аспекте. Вспомним для начала, насколько не-

результативна критика власти как целой и координированной структуры, действующей по единому плану. На такое классическое представление о гомогенной и системной природе власти нам сразу предъявляют массу контраргументов. Ключевые из них сводятся к тому, что в либерализованном и демократизированном государстве нет монополии конкретной политической или экономической власти. На деле, говорят нам, в экономическом пространстве действуют сотни тысяч больших и маленьких фирмочек или собственников, проводящих собственную финансовую политику и создающих эффект броуновского движения в неуправляемом космосе бесконечных возможностей (есть еще, конечно, «невидимая рука рынка», некие общие векторы экономической активности, но в интерпретации господствующей парадигмы здесь мы сталкиваемся с деперсонифицированной мистической силой, когда в разорении одних и обогащении других никто конкретно не виноват). Аналогичным образом политическое пространство нам рисуют как арену конкурентной борьбы множества больших и маленьких партий, соперничество отдельных политических игроков или сложное переплетение различных «ветвей власти», политических пристрастий, «электоральных предпочтений» и т. п.

Чему, однако, соответствует эта живописная картина социального пространства в его политическом разрезе? Это очень похоже на структуру типового кинематографического или литературного триллера, где убийцей может оказаться кто угодно – как будто из чисто спортивного интереса автора сюжета, не утруждающий себя ни психологией, ни драматургией, ведет действие от поворота к повороту, от сюрприза к сюрпризу. В культовых

телесериалах, как в шведском «Убийстве» («Forbrydelsen», 2007–2012), количество подозреваемых практически равняется количеству серий. Переключая внимание на новую цель, можно весь сезон водить зрителя за нос и поддерживать неугасающий интерес к истории.

В обычном политическом спектакле решение ключевого вопроса «Кто виноват в происходящем?» тоже находится в состоянии бесконечного откладывания и переадресации по неважным и текущим политическим мипениям. Та же в точности картина гибели метанарративов и полной эманипации частиц воспроизводится в придворной науке (или, лучше сказать, в модных квазинаучных выжимках из научных теорий – будь то квантовая хромодинамика «для чайников», относительно понятая теория относительности, теория фракталов в популярном изложении и т. п.). Этот же сценарий проигрывается под афишами «эпохи постмодерна», эпохи всеобщей толерантности, парадигмы политкорректности и т. д.

Возникает впечатление, что все эти эквивалентные картины мира написаны как будто одним автором. Они запрограммированы одним идеологическим геном, неустанно воспроизводящим собственную структуру в миллионах и миллиардах копий. Но в отличие от парадигмы философского тоталитаризма XVIII–XIX вв. (сводящей к единому плану человеческую и мировую историю, эстетические явления или научные теории в духе гегелевской системы), это сводится к парадигме атомизированной тотальности множественных частей в параллельных пространствах. Абсолютная идея трансформировалась в абсолютную логику фрактала, проросла миллионами ризом, размножилась бесконечными

тиражами субстанциальных симулякров... Преимущество такой категориальной мутации в том, что при исчезновении единого автора мировой пьесы ответственность за происходящее делится на не укладывающееся в голову число мелких политических или экономических агентов.

Итак, важно понять, что эта господствующая картина бесконечной множественности и делимости мира является результатом идеологического «когнитивного картографирования». Это следствие вирусного размножения частиц господствующей идеологии, переписавшей в удобном для себя виде учебники по физике и истории, сюжеты культурных или политических событий. Подобным образом фильмы на историческую тему полностью перекодируют историю (без преувеличения можно сказать, что вся история XX века мыслится нами в образах и категориях кинематографа). В театре симулякров событие заранее согласуется с условиями телетрансляции, территория ориентируется на географическую карту, производство подстраивается под логику рекламы и пиара...

Идеологизированное когнитивное картографирование начисто переделывает так называемую «реальность», сообщая ей весь вид текущего социального «Реального» – с полным набором наличных уродств: безжалостной эгоистической конкуренции, бюрократии, насилия, манипуляции сознанием и т. п. Но в переписанной эгоистичным идеологически геном координатной сетке «конкуренция» присуща всем живым существам на планете, насилие – неизбежный фактор любой природной организации, манипуляция – неотъемлемый атрибут любых социальных отношений...

Исследуемая проблема имеет и более глубокое измерение. Что, если после при-

своения и переписывания «реальности» тотальной идеологией капитализма (о мощной десакарализирующей и дематериализующей силе которой удачно сказано уже в «Манифесте коммунистической партии» К. Маркса и Ф. Энгельса 1848 г.) необратимой мутации подверглась не просто грамматика или семантика, но и язык, дискурс как таковой? В «Поэтике политики» Бориса Гройса речь идет как раз о «постдискурсивности» как фундаментальной характеристике современного общества: капитализм «не нуждается ни в каком дискурсе – ни в религиозном, ни в идеологическом, ни в философском, ни в моральном, ни в политическом... Вместо языка капитализм использует другой медиум – а именно, медиум денег» [4, с. 346].

Что, если очевидная слабость современных критических теорий вызвана тем обескураживающим обстоятельством, что дискредитирован не только арсенал критических средств, но и сам язык критики? Семантика и логика, орфография и грамматика повседневного и научного языка одинаково бессильны в столкновении с прагматикой денежного обмена, наглядными примерами быстрого успеха и коммерческой выгоды. Указывая властным «дискурсмонстерам» на вопиющие логические просчеты, передергивания и манипуляции, пытаясь вовлечь их в дискуссию о «несправедливом» или «хищном» характере капитализма, мы упускаем из виду то важнейшее обстоятельство, что дискредитированный язык уже в принципе не способен нанести ущерб господствующей идеологии. Шокирующий ужас от лицемерия «пустыни реальности» капитализма невыразим в благородном языке гуманитарных теорий. Следовало бы противопоставить персонифицированным обра-

зам гламурного успеха травмирующие кадры уничтоженной капитализмом природы, кадры жизни и смерти на колониальных свалках или в потогонках капитализма. Клин выбивают клином, образ перебивают образом, наглядный пример – другой наглядной и яркой картинкой. Как и в эпоху политической борьбы плакатов и плакатных же лозунгов, один удачный демомотиватор в сетевом пространстве эффективнее тысячи научных статей.

Впрочем, такая интерпретация положения дел на фронтах борьбы с идеологией тоже выглядела бы предельно упрощенной. Ведь капитализм, как главный заказчик современной идеологии, далеко не однороден. На практике действует пул «физических» и «юридических» собственников, политических и экономических агентов, прибегающих на свой вкус к любым удобным идеологическим приемам, в том числе к вполне традиционным дискурсам и дискурсивным элементам. Можно сказать, что помимо «молчаливого» (ведь, согласно известной поговорке, большие деньги делаются в тишине) постдискурсивного капитала есть и шумный, говорливый торговый капитал, как есть и принцип политического управления, метко называемый «демократией шума». Известно, что методом такого управления является создание дискурсивных помех, высокого уровня шумового фона, заглушающего рефлексию и критику. Но в любом случае господствующая идеология обнаруживает здесь свою зависимость от языка, связанность его законами. Идеологические ракеты и антиракеты запускаются или сбиваются благодаря объективному действию общих законов социальной физики, и отменить таковые, растворить в новой постдискурсивной реальности невозможно.

Во-вторых, даже молчаливый большой капитал (действительно принципиально не оправдывающийся перед обществом за все инспирируемые им войны и катастрофы, финансовые или экологические кризисы) имеет тенденцию периодически превращаться в дискурсивный, научно, религиозно или морально детерминированный капитализм. Это, например, происходит при сезонной милитаризации господствующей идеологии: «Новый подъем милитаризма и возрождение имперских настроений – процессы, свидетелями которых мы сегодня являемся, – снова приводят язык к власти» [4, с. 351].

Важно еще, вслед за Борисом Гройсом, обратить внимание на качество производимого властью или ее критиками языка. Обсессионный дискурс демократии шума – это, конечно, язык самого низкого свойства, используемый в информационных войнах или в повседневной среде для обесценивания ключевых означаемых, для банализации и извращения важных вопросов и проблем. Отсюда же возникает это удивительное негласное требование правящей идеологии к гуманитариям – работать в содержательном плане хуже, превращать свою деятельность в бюрократическое производство холостых статей и монографий (фактически для «галочки», для начетнического повышения индекса Хирша, заполнения вузовского «кейса», мифических баллов и рейтингов), в симуляцию научной работы, в имитацию образования и самообразования. «По причинам структурного порядка, – пишет Б. Гройс, – от художников, писателей или интеллектуалов при капитализме требуется, чтобы они работали хуже, чем они могут работать. Им следует сознательно и последовательно редуцировать свою активность, свой талант, свое вдох-

новение. (...) от каждого члена общества требуется, чтобы он производил как можно меньше языка – а если он его все-таки производит, то это должен быть язык низкого качества» [4, с. 352].

Логично, что программа негативного отношения к правящей идеологии должна включать в себя прямо противоположное требование: создавать лучшие – эффективные и эффективные произведения критического дискурса (здесь удачный пример – топ-теория Славоя Жижека, действующего к тому же далеко за пределами маргинальной научной ниши – в роли видеомейкера, киногида и киногероя). А чтобы эти создания критической мысли приобретали добавочную популярность, необходимо противопоставить эгоистическому геному идеологии принцип жизненного и теоретического альтруизма. Не ревнивая борьба за права своего копирайта, не утаивание своих интеллектуальных ноу-хау от взгляда конкурентов, а, напротив, предельная открытость и альтруистичность научной позиции. Благо, что новые электронные технологии де-факто устраняют частную собственность на знания. Этот стихийный сетевой коммунизм (на торрентах и в различных интернет-сообществах) может и должен быть превращен в альтернативную господствующей идеологию.

Что же касается мутирующей постдискурсивности современного политического устройства, то ее следует преодолевать через сформулированную тем же Б. Гройсом программу «вербализации» власти и всей социальной жизни: «вербализация общественных, политических отношений дает

каждому человеку возможность возразить власти, судьбе, жизни – критиковать, обвинять, проклинать их. Язык – медиум равенства. Вербализация власти вынуждает ее действовать в условиях равенства всех говорящих – хочет она этого или нет [3, с. 110].

Зависимость всех структур социального Реального от символической решетки языка по-прежнему велика. Грамотная работа с различными произведениями научного или повседневного дискурса всё так же востребована обществом и составляет профессиональную квалификацию гуманитария. Перефразируя известный военный фильм, можно сказать, что сбивать дискурсомонгеров противника – не подвиг, а обязанность ученого.

Литература

1. *Барт Р.* Мифологии: пер. с фр. – М.: Издательство имени Сабашниковых, 2004. – 320 с.
2. *Бодрийяр Ж.* Симулякры и симуляции. – М.: Постум, 2015. – 240 с.
3. *Гройс Б.* Коммунистический постскриптум: пер. с нем. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2014. – 112 с.
4. *Гройс Б.* Политика поэтики: сборник статей: пер. с англ. и нем. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2012. – 400 с.
5. *Делёз Ж., Гваттари Ф.* Анти-Эдип. Капитализм и шизофрения: пер. с фр. – Екатеринбург: У-Фактория, 2007. – 672 с.
6. *Арсеймисон Ф.* Марксизм и интерпретация культуры: сборник статей. – М.; Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2014. – 414 с.
7. *Жижек С.* Ирак: История про чайник: пер. с англ. – М.: Праксис, 2004. – 218 с.
8. *Жижек С.* Чума фантазий: пер. с англ. – Харьков: Гуманитарный центр, 2014. – 388 с.
9. *Капа-Мурза С.* Манипуляция сознанием. – М.: Алгоритм, 2000. – 688 с.

EGOISTIC GENE OF IDEOLOGY

V.V. Kornev

The Bonch-Bruевич Saint-Petersburg state
university of communication

vvkornev@yandex.ru

An article is dedicated to a problem of critical analysis of a dominant ideology in a postmodern weakening of the power of language. Egoistic gene of ideology is, at first, an elementary discursive parasite particle. At the same time, it is general logic of ideological work, understood as egoistic rewriting of scientific or everyday world picture, history or the whole “reality”.

Keywords: ideology, ideology analysis, critic theory, simulation, politics, power, everyday life, postmodernism, knowledge.

DOI: 10.17212/2075-0862-2015-3.2-140-149

References

1. Barthes R. *Mythologies*. Paris, Seuil, 1957 (Russ. ed.: Bart R. *Mifologii*. Translated from French. Moscow, Sabashnikov Publ., 2004. 320 p.).
2. Baudrillard J. *Simulacres et simulation*. Paris, Galilée, 1981 (In English: *Simulacra and simulation*) (Russ. ed.: Bodriyar Zh. *Simulyakry i simulyatsii*. Translated from French. Moscow, Postum Publ., 2015. 240 p.).
3. Groys B. *Das kommunistische Postscriptum*. Frankfurt am Mein, Verlag, 2007 (English Translation: *The communist postscript*. London, New York, Verso, 2009) (Russ. ed.: Grois B. *Kommunisticheskii postskriptum*. Translated from Germany. Moscow, Ad Marginem Press Publ., 2014. 112 p.).
4. Grois B. *Politika poetiki: sbornik statei* [Politics of poetics: digest of articles]. Translated from English and Germany. Moscow, Ad Marginem Press Publ., 2012. 400 p. (In Russian)
5. Deleuze G., Guattari F. *Capitalisme et schizophrénie*. Vol. 1: *L'Anti-Oedipe*. Paris, Les Edition de Minuit, 1972 (English Translation: *Anti-Oedipus: Capitalism and Schizophrenia*. New York, Viking Press, 1977) (Russ. ed.: Delez Zh., Gvattari F. *Anti-Edip: Kapitalizm i shizofreniya*. Translated from French. Ekaterinburg, U-Faktoriya Publ., 2007. 672 p.).
6. Dzheimison F. *Marksizm i interpretatsii kul'tury* [Marxism and interpretation of cultural]. Moscow, Ekaterinburg, Kabinetnyi uchenyi Publ., 2014. 414 p. (In Russian)
7. Žižek S. *Iraq: The borrowed kettle*. London, New York, Verso, 2004. 188 p. (Russ. ed.: Zhizhek S. *Irak: Istoriya pro chainik*. Translated from English. Moscow, Praxis Publ., 2004. 218 p.).
8. Žižek S. *The plague of fantasies*. London, Verso, 1997. 254 p. (Russ. ed.: Zhizhek S. *Chuma fantazii*. Translated from English. Khar'kov, Gumanitarnyi tsentr Publ., 2014. 388 p.).
9. Kara-Murza S. *Manipulyatsiya soznaniiem* [Manipulation of consciousness]. Moscow, Algoritm Publ., 2000. 688 p. (In Russian)